

- ³⁸ Зонова О.В. Вновь открытая икона «Сергий Радонежский» из Успенского собора Московского Кремля // Материалы и исследования Государственных музеев Московского Кремля. Вып. III. М., 1980. С.42–55; Попов Г.В. Дионисий. М., 2002. Илл.45, 46. По необъяснимым причинам икона не была включена в состав выставки «Дионисий „живописец пресловущий“».
- ³⁹ Дионисий «живописец пресловущий» 2002. С.185–188. Кат.47. Датировка произведения концом XV века выглядит излишне ранней.
- ⁴⁰ Попов Г.В. Рукописная книга Москвы. Миниатюра и орнамент второй половины XV–XVI столетия. М., 2009. С.55–69 (статья 1964 г. «Лицевое Евангелие с „записью 1514 г.“ и его место в московском искусстве последней трети XV в.»), 158–163 (статья 1973 г. «Московская рукопись с миниатюрами конца XV в. из Британского музея»); Дионисий «живописец пресловущий» 2008. С.228–234. Кат.59, 60.
- ⁴¹ Попов 1975. С.54–57. Илл.58–61; Осташенко Е.Я. «Успение» – храмовая икона Успенского собора Московского Кремля. К вопросу о развитии живописи Москвы во второй половине XV в. // Древнерусское и поствизантийское искусство. Вторая половина XV – начало XVI века. К 500-летию росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. М., 2005. С.40–64. Предложенная во второй работе более ранняя дата – ок. 1475 г. – выглядит более мотивированной.
- ⁴² Цит. по: Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII века. История открытия и исследования. СПб., 2008. С.117.
- ⁴³ Столь же значительным, насколько можно проследить, являлся образ в среднике житийной иконы преподобного Сергия в Успенском соборе Кремля, однако в силу существенных утрат лика святого его анализ затруднен.
- ⁴⁴ Дионисий «живописец пресловущий» 2002. С.160–162. Кат.38. С.195–199. Кат.50.
- ⁴⁵ Там же. С.189–191. Кат.48.
- ⁴⁶ Цв. воспроизведение см.: Попов 1975. Илл.110.
- ⁴⁷ См.: Кучкин В.А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. Т.XVIII. Л., 1962. С.59–79; Он же. Из литературного наследия Пахомия Серба. Старшая редакция Жития митрополита Алексия // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С.242–257; Прохоров Г.В. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
- ⁴⁸ Седова Р.А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе Древней Руси. М., 1993. С.107–124; см. также: Клосс Б.М. Избранные труды. Т.П. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М., 2001. С.101.
- ⁴⁹ Лурье Я.С. Вассиан Санин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. Ч.1. А–К. Л., 1988. С.125–126.
- ⁵⁰ Цит. по переизданию А.Кадлубовского «Житие преп. Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным» (Нежин, 1899; 2-е изд. – 1911) в альманахе «Дыхание» (М., 1997. С.68–71).

ОБРАЗ БЛАГОРАЗУМНОГО РАЗБОЙНИКА
НА БОКОВЫХ ВРАТАХ ПСКОВСКИХ ИКОНОСТАСОВ*

Заявленная в названии тема может показаться странной, учитывая почти полное отсутствие таких памятников в Пскове, в то время как расписные врата в жертвенник и дьяконник других центров, хоть и известные по единичным примерам, все же позволяют составить некоторое представление об иконографии этой части убранства иконостасов XVI–XVII веков. Это особенно досадно, поскольку Псков, получивший на Руси статус законодателя новой иконографии, несомненно, должен был внести особый вклад в формирование и развитие столь сложных и многообразных по замыслу композиций. Правда, репертуар недошедших боковых дверей местных храмов в определенной степени восполняют сведения псковских писцовых книг 1584–1588 годов, составленных Г.И.Мещаниновым-Морозовым и И.В.Дровниным¹ после польско-литовского разорения. Необходимость зафиксировать размер нанесенного неудачной Ливонской войной ущерба и стала причиной того, что поземельные описи, обычно содержащие лишь краткие сведения об имущественном положении служилых людей, размерах владений и количестве дворов, в данном случае подробно зафиксировали и все церковное имущество приходских, городских и монастырских храмов. К сожалению, среди дошедших до нас книг отсутствуют описания самого Пскова и семи из его 15 уездов, но и они позволяют хотя бы теоретически реконструировать интересующее нас убранство иконостасов, сложившееся здесь к третьей четверти XVI века.

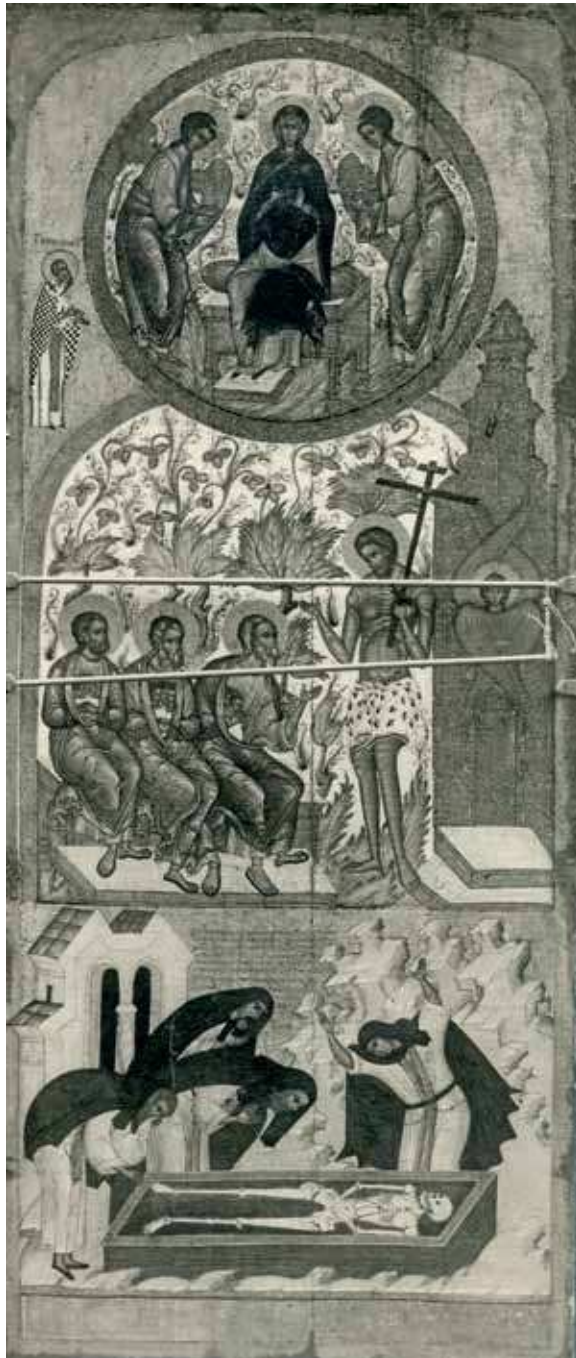
Напомним, что появление деревянных боковых врат и формирование их живописного декора следует связывать с эпохой закрепления за северной и южной апсидами функций жертвенника и дьяконника, с одной стороны, и повсеместного распространения на Руси конструкции высокого иконостаса – с другой².

Действительно, несколько таких дверей сохранилось от второй половины XV века³, но устойчивая структура их иконографического убранства складывается лишь в первой половине следующего столетия. До этого времени, за небольшим исключением, вход в предложение мог оставаться открытым или завешивался ткаными занавесами, как это было в Греции и на Балканах. Значительная высота местного яруса русских храмов, обусловленная традиционно высоким положением нижнего тябла, и необходимость прохода священнослужителей во время службы определили размеры створок – в рост человеческого, а их назначение и активное использование при входе и выходе из жертвенника и дьяконника объясняет малое число дошедших до нас произведений. В силу тех же причин боковые врата обычно не рассматривали сакральным образом, и в этом их «неиконном» характере кроется причина того, что в храмовых инвентарях назывались они не часто. Действительно, если описание каждой иконы писцы начинали со слова «образ» (например) «пречистые Богородицы», то по отношению к створкам использовали традиционную формулу «двери, на них писан Благоразумный разбойник на краске» (или другой сюжет), при этом слово «образ» старались не употреблять, как не изображали на них и собственно иконы святых. Описи псковских храмов также не были исключением, например, описи Псково-Печерского монастыря XVI–XVII веков⁴ упоминают северные и южные врата иконостаса, но изображения на них не указывают.

В свое время изучение репертуара изображений на боковых створах привело нас к заключению, что все они имели назидательно-дидактический характер, служили наглядным напоминанием о грехе, покаянии, прощении человека и обретении Царствия Небесного⁵. Поэтому дверной декор был «говорящим»: через сжатые зрительные формулы он являл прототипы поведения человека, желающего достичь райских врат. При этом важнейшую роль в формировании состава сюжетов играло содержание 50-го покаянного

* Статья написана в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ №14-04-000257: «Художественное наследие Псковской земли второй половины XV–XVI веков по письменным источникам и сохранившимся памятникам».

1.
Северные врата иконостаса ц. Петра и Павла
в Кожевниках в Новгороде. Середина XVI в.
Современное местонахождение не известно

псалма с прошением о помиловании раскаявшегося грешника. Согласно уставным правилам XVI века, его читали перед каждым входом в жертвенник, как перед незримым судьей и исповедником⁶. Характер псалма как нельзя лучше соответствовал идее изменения, перехода, входа, поэтому он послужил стерж-

нем всех иконографических программ северных врат позднего Средневековья. Тематика покаянной молитвы и веры объединены как традиционные и наиболее распространенные здесь изображения, подобно образам пророка Даниила во рву львином (изображение которого появляется значительно раньше остальных сюжетов⁷), Трех отроков в печи огненной, так и более редкие, такие как «Аллегория праведной души»⁸.

Поскольку острее всего мысль о потере рая и греховности человеческой природы переживалась у закрытых врат алтаря, у высокой глухой стены иконостаса, одним из наиболее востребованных мотивов северных дверей стала история создания, грехопадения, изгнания Адама и Евы и их покаянный плач у врат Рая. Они напоминали не только о недоступности Святая святых согрешившему человечеству, но и дальнейших путях его жизни, являя правильные модели христианского поведения, те заповеди и поучения, которые могли стать залогом обретения Царствия Божия. По той же причине весьма популярным оказался сюжет «Лоно Авраамово» с входящим Благоразумным разбойником, обычно размещавшийся в верхнем регистре многоярусных композиций с историей прародителей, как на вратах середины XVI века в иконостасе церкви Петра и Павла в Кожевниках в Новгороде⁹ (илл. 1), иллюстрирующий слова Ефрема Сирина: «Сад едемский узрел разбойника, и с любовью принял его вместо Адама»¹⁰.

Идея утраченного и вновь обретенного Рая — одна из главных в убранстве боковых врат — наиболее полно отражалась в образе самого Благоразумного разбойника, чье полнофигурное изображение, благодаря ясности и емкости символического содержания, в XVI веке стало самым распространенным на древнерусских алтарных вратах¹¹. Тем более что оно столь же ярко и точно иллюстрировало текст покаянного 50-го псалма, содержащего прошение о помиловании раскаявшегося грешника и его мольбу о спасении. Тесная взаимосвязь образа с пространством северной части алтаря — жертвенника была обусловлена евангельским рассказом, соединившим смерть и спасение с Голгофской жертвой, которая составляет главное содержание чина проскомидии. Покаяние во время казни Христа: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое» (Лк. 2:39) и полученное им прощение: «Ныне же будешь со мною в Раю» прочно соединили образ Благоразумного разбойника с поминальными обрядами и поми-

новением живых и умерших на проскомидии, что объясняет и те случаи, когда врата с его изображением писали как вклад «на помин своей души и всего своего рода». Об этом красноречиво говорит надпись на алтарной двери с таким изображением, еще в начале XX века украшавшей вход в жертвенник монастырской церкви Св. Саввы в Москве: «1554 года. Азь Семен Андреев вкладу дал Савве Посвященному сею святыю дверь в дар по своим родителям разбойника благоразумного»¹². Очевидно, что вкладчик, видимо, посадский человек Семен Андреев надеялся облегчить своим близким вход в рай, который отверз свои врата даже для раскаявшегося злодея.

Немаловажной причиной распространения сюжета было и расположение северных дверей слева от престола, что соответствовало евангельскому повествованию о распятии доброго разбойника по правую руку Спасителя. Существенным добавлением к краткому и лаконичному каноническому тексту оказались апокрифические сочинения, ярко и подробно описывавшие историю его стояния перед вратами Рая и обстоятельства его вхождения туда. Обращение к ним иконописцев окончательно закрепило иллюстративно-назидательный образ разбойника с формой боковых врат. Литургический смысл размещаемого здесь изображения выражался словами тропаря воскресного канона Иоанна Дамаскина (глас 4): «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог, в рай же с разбойником, (и на Престоле был еси, Христе, со Отцем и духом, вся исполняяй, Неописанный)». Неотъемлемым для иконографии Благоразумного разбойника стал крест в его руках — божественное знамение для входа в Рай. Поэтому образ, зримо открывавший раскаявшимся Царствие Небесное, иногда сопровождался надписью, акцентирующей момент раскрытия дверей: «И отверзошася врата и вниде в рай».

Изображение его было, конечно, намного древнее дверного декора, окончательно сформировавшегося лишь к XVI веку: его заимствовали из композиции, входившей составной частью в византийские сцены Страшного суда. Одной из них было «Лоно Авраамово» с фигурой разбойника с крестом на плече, с самого раннего времени размещавшейся у райских врат на белом фоне рая¹³. Без каких-либо изменений весь этот сюжет был перенесен сначала в один из регистров трехчастных врат (как, например, в церкви Петра и Павла в Кожевниках), впоследствии же из него выделилось самостоятельное полнофигурное изобра-

2.
Благоразумный разбойник. Северные врата иконостаса
придела Собора Архангела Михаила Благовещенского
собора Московского Кремля. Около 1560 г.

жение разбойника. Однако в силу отсутствия ранних памятников, сказать с определенностью, что последовательность была именно такой, мы не можем.

Популярность образа разбойника не может идти ни в какое сравнение с другими дверными сюжетами: судя по дошедшим до

нас памятникам и многочисленным упоминаниям в церковных описях и писцовых книгах, его образ был широко распространен как в столице и крупных центрах, так и в далекой провинции; как в кафедральных и приходских соборах, так и в монастырских и сельских церквях. Опись Соловецкого монастыря 1549 года называет такую дверь в иконостасе древней деревянной церкви Николая Чудотворца¹⁴, т. е. она могла быть написана довольно рано; к 1554 году относились упомянутые врата монастырского собора Преп. Саввы Освященного в Москве¹⁵; чуть позже, около 1560 года, изображение разбойника украсило вход в предложение придела Собора Архангела Михаила царского Благовещенского собора Московского Кремля (илл. 2)¹⁶. Огромное число аналогичных памятников упоминают материалы писцовых книг самых разных областей России¹⁷; их описывают авторы краеведческой и научной литературы начала XX века¹⁸. Немалое число боковых врат с рассматриваемым образом хранится в музейных фондах, большая часть которых еще ждет своего раскрытия и публикации.

Традиционно разбойник изображается на дверях, ведущих в жертвенник, в полный рост, чуть развернутым вправо, обеими руками поддерживающим на плече значительный по размерам крест, реже прижимает его крестообразно сложенными дланями, в знак покаяния и принятия благодати. Его полуобнаженная аскетическая фигура, как правило, показывается подчеркнуто худой, с анатомически выявленным рисунком торчащих ребер, босой и препоясанной белой набедренной повязкой или одетой в светлые порты. Изображение чаще всего вписывается в декоративную арку, словно в проем открытой двери, и размещается на белом фоне рая, нередко украшенном цветами и диковинными деревьями. Разбойник представляется как средовека с темными, подчас взлохмаченными волосами, усами и небольшой бородкой, голова его всегда окружена нимбом, несмотря на то, что в минологиях отсутствует день памяти этого святого.

Образ восходит к наиболее подробному рассказу евангелиста Луки (23: 33, 39–43) о повешенных по правую и левую руку от Христа злодеев¹⁹, один из которых «злословил Иисуса», а другой, раскаявшийся, «унимал его» и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал».

Потом обратился ко Христу и покаялся («Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое!»), получив обетование о том, что войдет в рай («Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»). Однако их имена ни один из евангелистов не называет, — этой анонимной традиции следует и вся святоотеческая литература, в том числе авторы посвященных Благоразумному разбойнику проповедей²⁰; но о них сообщают некоторые апокрифические источники. Древнейшим среди них следует признать греческое Евангелие Никодима (V век), переводы которого получили самое широкое распространение в русской письменности²¹. 9-й и 10-й стихи этого сочинения включают подробности предания Пилатом на распятие двух разбойников: по правую руку Христа раскаявшегося Дижмана (или Дисмаса, по греч. — **Dismas**), а по левую — Гестаса (**Gestas**), хулившего на кресте Иисуса²². Также звучат их имена в некоторых славянских рукописях XVI–XVII веков, включающих Слово о страданиях и крестной смерти Христа, отчасти повторяющее этот текст²³. Другой источник лежал в основе Сказания о крестном древе, приписываемого в Румянцевском сборнике XV–XVI веков Григорию Богослову. В ряде его списков включается «Слово о двух разбойниках»²⁴ («како зачухся и распяты на пречистом древе по обе страны Господа нашего...»), которое нередко входит составной частью и в содержание русских Хронографов²⁵. В нем говорится, как два злодея захватили на пути в Египет святое семейство и увели его в горы, в свои жилища. Однако им не причинили вреда, поскольку Богородица, вместо больной жены одного из них, в течение шести дней вскармливала ее младенца. Дети выросли, унаследовав занятие отцов разбоем, и впоследствии были распяты с Христом²⁶. Явно под влиянием Никодимова евангелия называются они в русских лицевых Страстях XVII века — *Дижмон* и *Эста*²⁷. Отметим, что в других источниках, рассказывающих историю разбойников и объясняющих их последующую различную судьбу, имена их обычно не называются: например, в Слове Евсевия «О сошествии Иоанна Предтечи в ад» или в упомянутом «Слове о крестном древе», за исключением рассказа Румянцевского сборника XV–XVI веков, изданного Григорием Купчелевым-Безбородко. Арабское Евангелие детства Иисуса Христа именует благоразумного разбойника Титом, а злонравного Думахом (Думахием)²⁸. В творениях Беда Достопочтенного это — Матха и Иока, в житии Иисуса, напи-

санном иезуитом Иеронимом Ксаверием на персидском языке, — Люстин и Виссимий²⁹; в греческой Ерминии, — соответственно, *Фесда-иерихонец* и *Дима-галилеянин*; в рукописи Софийской библиотеки XVI века (РНБ. Соф. № 1479. Л. 195) — Араг и Геста³⁰.

Важнейшим источником наименования разбойников стало на Руси апокрифическое литературное сочинение «Беседа трех святителей», составленное в форме вопросов и ответов Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, древнейшие списки которых относятся к XII веку. В одном из вопросов «Василий рече: „Распятая с Христом, что слышата, или что се сказаеца имене ею?“ Иоанн рече: „Иже одесную ВЪрай, еже сказаеца сила, а еже опуюю, Геста, иже сказаеца оземьствие“»³¹. Еврейское имя ВЪрай уже в списках XIII века было непонятно, часто искажалось или заменялось «Въ рай», а в поздних оба имени часто опущены, но сохранялось их значение. «Дижман» фигурирует только в одном списке, при этом там он назван распятым слева. В ряде текстов XVI–XVIII веков правому дается имя «Агарь»³², «Араго», или «Рахъ»³³ — последняя форма в точности соответствует древнерусской традиции величания благоразумного разбойника.

Отметим, что изображение разбойников по сторонам Христа в византийском искусстве начиная с V–VI и вплоть до IX века было, в отличие от поздней традиции, в том числе русской, явлением распространенным, но оно следовало каноническому Евангелию, потому имена их указывались крайне редко. При этом они чаще показывались не пригвожденными гвоздями (как, например, на миниатюре Хлудовской Псалтири. — ГИМ. Греч. 129д. Л. 45 об.), а привязанными (как в миниатюре Евангелия Рабулы 586 года, запечатлевшей, правда, оба вида казни. — Bibl. Laur. Cod. Plut. I, 560. Fol. 13v). При этом в ранних памятниках благоразумный разбойник изображается по правую руку юным и безбородым (впоследствии, с изменением эстетических идеалов, напротив, бородатым средовеком), а злонравный по левую и с темной бородой.

В тех случаях, когда под влиянием апокрифического рассказа Никодима имена все же появлялись, возникала характерная для источников путаница. Так в иконе VIII века из собрания Синайского монастыря³⁴ юный разбойник, распятый по правую руку от Христа и обращенный к нему к раскаянию, назван Гестас, в то время, как хуливший Бога — Дим(ас) (илл. 3). Примечательно, что в тех странах, где

3.
Икона «Распятие». VIII в. Собрание монастыря
Св. Екатерины на Синае

влияние апокрифов было сильнее, например, в коптском³⁵ и эфиопском искусстве, их именования встречаются чаще³⁶.

Впоследствии эта черта была усвоена западным искусством, где образы двух распятых разбойников, и особенно почитание Дисмаса, получает чрезвычайно широкое распространение. Со времени первого крестового похода (1096–1099), когда местом паломничества стала деревня Латрун близ Эммауса³⁷, считавшаяся родиной доброго разбойника благодаря созвучию с латинским словом *latro* (разбойник), Дисмаса начали чтить в Европе святым: день памяти 25 марта и литургическое чествование вошли в Мартиролог католической Церкви³⁸, а также в популярный здесь «Каталог святых» Петра Наталиса (XIV век)³⁹, его имени были посвящены многие алтари, в том числе тюремные капеллы, поскольку святой стал почитаться покровителем заключенных⁴⁰.

4.

Благоразумный разбойник. Северные врата иконостаса ц. Богоматери Толгской в Ростове. Конец XVI – начало XVII вв. Ростовский музей

Немаловажную роль в создании устойчивого иконографического образа Благоразумного разбойника, непременно держащего в руках крест, сыграл еще один апокрифический источник – распространенное на Руси Слово Евсевия епископа Александрийского «О вшествии Иоанна Предтечи во ад». В

ряде списков, в том числе XVI века, включен эпизод о том, как пророки, покидая ад после смерти Христа, входят в рай и встречаются там разбойника (имя его не называется). Они удивляются, как попал туда злодей раньше праведников, и выслушивают рассказ о его покаянии на Голгофе и крестном знамении, которое дал ему Иисус во время казни и которым он воспользовался, увидев у врат огненного архангела с мечом: «И се виде, отверзи ми врата, и внидох в рай»⁴¹.

В других апокрифических сказаниях⁴², в том числе в русском варианте *Слова о двух разбойниках* (XV–XVI), говорится и о крестах, на которых они были распяты по сторонам Христа: дерево злого было посажено Моисеем «въ мере горцей...», крест благоразумного сделан из древа, выращенного для искупления согрешившим Лотом («еже посади от трех головней») ⁴³. На следующий год после обретения на Голгофе (326) он был установлен св. Еленой на Кипре, вложившей в него частицу Животворящего Креста и один из гвоздей Распятия. О нем сообщается в Хождении игумена Даниила (1104–1106): «*Стоит же тот крест на воздухе, ничем не будучи прикреплен к земле, но так, Духом Святым носим в воздухе... и видел глазами своими грешными благодать Божию на месте том*»⁴⁴. До 1426 года кипарисовый крест находился в издавна существующем на Кипре монастыре Ставровуни, потом перенесен в Болонью, в церковь Свв. Виталия и Агриколы⁴⁵, то есть почитание его также было связано с Западом.

Возникает закономерный вопрос, если Дисмас был так хорошо известен древнерусской литературе как наиболее достоверное имя благоразумного разбойника, по какой причине подавляющее число русских икон, прежде всего боковых врат иконостаса с его изображением, называют святого Рахом, известного лишь по одному источнику – «Беседа трех святителей» (см. выше), причем по наиболее поздним спискам. В свое время Н.В.Покровский предположил, что оно появилось в результате контаминации с образом греческого мученика Варвара, бывшего разбойником⁴⁶, чьи мощи Лимонарь указывает в монастыре горы Келлий в Фессалии⁴⁷. Помещенное под 6 мая его описание в иконописных подлинниках весьма схоже с приметами Раха: «разбойник, власы по плечам, рус, брада Козмина, порты едины на нем, в правой руке крест велик, в левой свиток с текстом «помяни мя Господи во царствие твое»⁴⁸. Однако в византийском искусстве мученик чаще изображался кудрявым, в

одежде и с цепью на шее. Едва ли не самый близкий этому описанию образ известен по фреске мученика Варвара в соборе Св. Софии в Македонии⁴⁹. Н.В.Покровский считал, что имя Варвар⁵⁰, Варрах могло в какой-то момент перейти в «Рах», во всяком случае такая контаминация для эпохи позднего Средневековья представляется вполне возможной, особенно если учитывать отсутствие в канонических текстах определенного имени святого. Примечательно, что на некоторых русских дверях, например, из церкви Толгской Богородицы в Ростове рубежа XVI–XVII веков (Ростовский музей), разбойник действительно назван Варахом⁵¹ (илл.4). Однако это была, по мнению А.А.Турилова⁵², исходная форма имени в «Беседе трех святителей», которая впоследствии подвергалась трансформации в разных направлениях.

Единственные дошедшие до нас северные врата иконостаса, которые уверенно можно связывать с Псковом, – памятник третьей четверти XVI века с изображением Благоразумного разбойника Раха, как его называют именующая на фоне надпись (частное собрание, Германия) (илл.5)⁵³. Псковское происхождение створки отчасти подтверждают сведения о бытовании иконы в Эстонии, куда в 1940–1970-х годах было перемещено немало местных памятников. Об этом свидетельствует и ее художественный стиль, особенно сдержанное колористическое решение, построенное на очень ограниченном наборе пигментов, включающем типичные аурипигмент и красновато-коричневую охру, проработанную разбеленными холодными тонами и резкими активными мазками белил, серебро, использованное в декорации нимба. Однако для псковской культуры не свойственны столь выраженные в иконе отчетливость рисунка и жесткость складок, выдающих провинциальное происхождение мастера, причастность его к архаической линии развития местной иконописи грозненского времени. Ближайшие аналогии этому памятнику встречаются среди праздничных и деисусных икон второй половины XVI века из иконостаса Покровской церкви Княжеозерского монастыря под Гдовом⁵⁴. В упрощенной манере их исполнения, также обнаруживающей провинциальный вариант архаичного стиля, хорошо ощутима роль контурной линии и очень схожее письмо ликов, сделанное в два тона.

Судя по необычайно крупным размерам (176,7 x 54,4), врата принадлежали иконостасу с высоким местным рядом. При этом в чрез-

5.

Благоразумный разбойник Рах. Северные врата иконостаса. Третья четверть XVI в. Частное собрание, Германия

вычайно узкое поле створки с трудом вписана аскетическая фигура святого, чуть развернувшегося в сторону Царских врат, словно обращающегося ко Христу с покаянной молитвой. Представленный здесь вариант изображения получил со второй половины XVI века наибольшее распространение. Следует обратить

внимание, что обнаженный до пояса разбойник облачен не в традиционную набедренную повязку, а в длинные «порты», что опровергает мнение большинства авторов, считавших, что они появляются в иконографии святого лишь в XVII веке⁵⁵. Необычное расположение креста, «уходящего» за нимб и частично скрытого, также встречается в памятниках этого и последующего времени, например, на вратах церкви Толгской Богородицы в Ростове рубежа XVI–XVII веков⁵⁶. Примечательно, что в процессе работы мастер, искавший наиболее удачный вариант композиции, изменил рисунок центральной перекладины креста и частично скрыл свои поиски слоем аурипигмента. Псковские врата следует признать одними из самых ранних среди дошедших до нас памятников такой иконографии.

Довольно ярко репертуар изображений на боковых вратах иконостасов Псковской земли можно представить по описанию их в упомянутых писцовых книгах 1584–1588 годов. Северные (или реже северные и южные) врата этот источник называет в 23-х монастырских и погостских храмах⁵⁷, причем лишь в одном случае речь идет об иконостасе самого Пскова, сведения о котором почти не сохранились в составе этого источника. В соответствии с жанром переписных книг, половина этих описаний – просто указание на существование в убранстве боковых врат, причем упоминание северных и кутейных (южных) створок чаще обусловлено тем, что писцы использовали их в качестве удобного ориентира для определения расположения тех или иных местных икон, стоящих слева и справа от прохода в жертвенник и дьяконник. Даже не называя сюжета на вратах, они нередко отмечали технику исполнения, важную для оценки имущества. Так в монастырской церкви Покрова в Острове: «Двери северные на красках»⁵⁸; в храме Димитрия Солунского в Гдове упоминаются «Двери северския на золоте, а над дверью сень на золоте же»⁵⁹; «Да двери в кутейник на золоте»⁶⁰; в церкви Параскевы Пятницы в Гдове «двери северные на краски»⁶¹; в трапезной церкви Николая Чудотворца Великопустынского монастыря «Двери северные на красках»⁶²; в соборе Архангела Михаила погоста Кухва «Да в жертвенник двери на красках»⁶³. Но в большинстве других случаев не указывалась даже техника: в церкви Рождества Богородицы «над северскими дверми деисус»⁶⁴, в Трехсвятительском храме Елеазаровского монастыря «У кутейных дверей икона Троицы Живоначальная»⁶⁵; в

трапезой Успенской церкви Крыпецкого монастыря «Да над северными дверми в два пояса апостоли с пророки на золоте»⁶⁶. В соборе Успения Псково-Печерского монастыря «У северских дверей у окна Спасов образ да Господские праздники»⁶⁷; в Николаевском монастыре в Гдове: «Да двери северские, да двери царские»⁶⁸; в церкви Успения Богородицы погоста Дияцкого «Промеж царских и северных дверей образ Одигитрии Пречистые»⁶⁹.

Среди отмеченных сюжетов боковых врат здесь несравненно чаще, чем в других городах Руси, встречается изображение верховного апостола Петра: «на красках» этот святой был представлен на северных вратах церкви Николая Чудотворца погоста Глинны⁷⁰, в соборном храме Николаевского Зарезницкого монастыря⁷¹; в церкви **Введения Богородицы** Толвитского монастыря⁷². А в храме Ильи Пророка погоста Корлы были изображены сразу два первоапостола: «Двери северные, а на них написан Петр и Павел»⁷³.

В ряде случаев, как в церкви Иоанна Богослова Крыпецкого монастыря, на боковых вратах иконостасах размещались сюжеты притч⁷⁴ и символично-назидательные образы: «Двери северные и з сенею, а на них писана Служба литоргия»; «Двери кутейные новые и с сенью, а на них писано Всеночное, а на сени Святые Софеи Премудрость Божия»⁷⁵. Аналогичный декор украшал в соборной церкви Успения Богородицы городища Выбор: «Двери северные, а на них писана Служба Божественная на бели, венцы на золоте»⁷⁶.

В пяти псковских храмах на северных вратах источник называет изображение Благо-разумного разбойника, не уточняя его имени: в церкви Трех святителей Елеазаровского монастыря, в приделе Саввы Сербского церкви Иоанна Богослова той же обители: «Двери северные, писмо старое, а на них Благо-разумный разбойник»⁷⁷; в церкви Преображения Великопустынского монастыря «...Благо-разумный разбойник на красках»⁷⁸; то же в храме Рождества Богородицы погоста Новые Уситвы; а в церкви Николая Чудотворца погоста Котельно «Двери северные небези, а на них писан Разбойник»⁷⁹. Между тем в семи случаях (!) называется не только сюжет, но и имя Благо-разумного разбойника, причем везде он именуется исключительно как Дизман, что дает повод думать, что и в ряде других случаев, где имя не названо, также могло быть именно его изображение. С другой стороны, не исключено, что при отсутствии именованного подразумевали как раз традиционный образ Раха.

6.

Благоразумный разбойник Дизман, апостол Петр.
Фрагмент иконы «Страшный суд» из ц. Новое Вознесение (?). Псковский музей. 1460-е гг.

Такое изображение писцовая книга 1584–1587 годов зафиксировала на южной двери (что необычно) в церкви Снеогорского монастыря («На двери кутейника Благоразумный разбойник Дизман»⁸⁰); в деревянной церкви Сорока мучеников Псково-Печерского монастыря: «Да на северных дверех разбойник Дизман»⁸¹. В Покровском Княжеозерском монастыре от сгоревшей Покровской церкви «осталось после литовского приходу»: «Двери северные, Дизман разбойник на красках»⁸². В Кресто-Воздвиженском монастыре на городище Выбор: «Двери северные на красках, венцы на золоте, а на них писан Дизма разбойник»⁸³, в церкви Космы и Дамиана погоста Локно «Двери северные, а на них Дизман разбойник»⁸⁴. В церкви Архангела Михаила в г. Гдове его образ на северных дверях соответствовал фигуре апостола Петра «на южных»⁸⁵. Аналогичная пара была и в церкви Рождества Богородицы погоста Новые Уситвы⁸⁶. На трехъярусной композиции в церкви Николая Чудотворца погоста Верхний мост его фигура объединялась с другими изображениями, составлявшими целую иконографическую программу: «На северных дверех Недреманное Око да Дизман разбойник, Авраам, и Исак, и Яков на бели»⁸⁷. Это особенно интересно, поскольку не менее сложной была парная композиция на вратах дьяконника: «Двери кутейные на бели Отечество Давыдове во образе»⁸⁸.

Таким образом, в Пскове XVI века существовала своеобразная, не известная нам по другим центрам, традиция именовать благо-разумного разбойника, изображенного на бо-

ковых створках врат, Дизманом, что, как мы видели, вполне соответствовало апокрифической литературной традиции. Однако в других землях, судя по известным памятникам, за редким исключением, столь последовательного соблюдения этих текстов не было и полу-фольклорный обычай называть распятого рядом с Христом раскаявшегося злодея «Рахом» возобладала. Известное пристрастие псковичей к книжному слову и образно-иллюстративному характеру живописи сказалось, видимо, и в этом случае. Более того, можно утверждать, что уникальная традиция именовать разбойника Дизманом появляется во Пскове очень рано, о чем свидетельствует развитая иконография памятников середины XV века. Впервые такое написание имени встречается в сцене Лона Авраамова на большой храмовой иконе «Страшный суд» из церкви Новое Вознесение (Псковский музей), созданной не позднее 1460-х годов⁸⁹ (илл. 6). Над фигурой Благоразумного разбойника, изображенного среди райских кущ, рядом с сидящими на престоле Авраамом, Исааком и Иаковом, размещена крупная надпись «Дизманъ разбойникъ». Однако полуобнаженная фигура раскаявшегося злодея обращена не к старцам, а развернута в противоположную сторону, к райским вратам, охраняемым огненным херувимом: он первым встречает на пороге процессию праведников, которую ведет сюда апостол Петр. В отличие от самой ранней в псковском искусстве такой сцены во фресках Снеогорского монастыря (1313) (илл. 7), облаченный в набедренную повязку зеленого цвета Дизман

7.
«Лоно Авраамово» с благоразумным разбойником. Фрагмент композиции «Страшный суд»
Рождественского собора Снетогорского монастыря во Пскове, 1313 г.

представлен не юным разбойником, а средовеком, словно беседующим с апостолом Петром. Причем входные атрибуты обоих – значительных размеров крест в руках первого и свиток с ключами в руках второго – явно противопоставлены разделяющему их огненному оружию небесного стражника. Это уравнивание и соответствие обоих образов прощенного злодея и праведника – уже вошедшего в рай и еще ожидающего у порога – сходны с традицией размещения развернувшихся друг к другу парных фигур Дизмана и апостола Петра на северных и южных боковых вратах, зафиксированной описаниями писцовых книг в храмах Псковской земли. Примечательно, что их парные изображения встречаются как среди погостских и пригородных церквей, так и монастырских, т. е. были здесь чрезвычайно широко распространены.

В связи с развитием рассматриваемой иконографии, имевшей в Пскове, на наш взгляд, беспрецедентный по интерпретации характер, следует вспомнить еще одно уникальное изображение – образ Христа, несущего в рай бездыханное тело благоразумного разбойника, в росписи церкви Успения Богородицы в Мелетово (1465) (илл. 8). Сцена расположена на западной стене южного рукава креста рядом с композицией Уверения Фомы и напротив медальона с образом неясности, оживляющей своей кровью мертвого

го птенца на восточном простенке этого компартиментов. Чтобы осознать общий символический замысел пространства южного рукава, посвященного, на наш взгляд, разным граням и возможностям человеческой веры в чудо Воскресения Христа, следует добавить,

что на южной стене, в том же регистре, скорее всего, находилась композиция «Вознесение», кульминационный сюжет, связывающий человечество на земле и Бога на небе. Здесь же регистром ниже по правую руку от входа сохранились фрагменты изображения Канона на исход души⁹⁰, развивающего тему о смертном разлучении души с телом, которая связывает воедино все предыдущие сюжеты.

Если апостол Фома, дотрагиваясь до мертвого тела Христа, ищет доказательств чуда его Воскресения, разбойник, заступившись за казнимого Иисуса, в преддверии исхода духа, принимает его божественность на веру. Мастер здесь словно следует за словами Иоанна Златоуста «о величии души разбойника», читаемые в великий пяток: «Когда Петр отрекся долгу, тогда разбойник исповедал горе [...] ученик не вынес угрозы ничтожной девушки, а разбойник, видя, как весь предстоящий народ [...] бросает хулы и насмешки, не посмотрел на видимое ничтожество Распятого, но проходя все это мимо очами веры [...] познал Владыку небес». Иоанн Златоуст сравнивает «ничего не требовавшего» разбойника с апостолом Фомой: «желая уничтожить неверие ученика, и по воскресении показал ему знаки гвоздей и язвы»⁹¹. Христос, смиливший себя «человек ради», покорно несущий мертвое тело раскаявшегося злодея, словно взявшего на себя всю тяжесть грехов умершего: «имел силу привлечь к Себе порочную душу разбойника, [...] которая была бесчувственнее камня, сделал мягче воска»⁹². Здесь уместно вспомнить и один из эпизодов Пролога – «Слово о черноризце Мартирии, како Христа носяше» (под 17 января), решившего помочь некоему расслабленному добраться до монастыря (=рая), положив его себе на плечо. Однако когда старец принес его безжизненное тело в обитель, оно исчезло, а вместо этого на мантии запечатлелся образ Христа, заверившего его, что оказанная им милость сторицей отзовется на небесах. Примечательно, что этот сюжет известен по изображению боковых дверей иконостаса (об этом ниже). Иллюстративность псковского искусства в данном случае ярко демонстрирует исполнение слов Христа о том, что Благоразумный разбойник «и телом и душой» войдет в рай в тот же день, не дожидаясь Страшного суда и воскресения его плоти. Не исключено, что внимание к его образу и соответствующим литературным источникам было вызвано в Пскове особым интересом к композициям Страшного суда и литературным источникам, лежавшим в их основе⁹³, – а

8.
Христос несет в рай тело благоразумного разбойника.
Фрагмент росписи ц. Успения Богородицы
в Мелетово. 1465 г.

это могло привести к устойчивому наречению доброго злодея Дизманом.

Среди аналогичных памятников других центров имя Дизмана нам встретилось всего несколько раз. Судя по описи 1642 года, таковой была северная дверь Преображенского собора Хутынского монастыря в Новгороде, причем ко времени составления документа она явно была древней («В северных дверех благоразумный разбойник Дижман, полнял») ⁹⁴. В то время как в иконостасах других церквей обители (Преп. Варлаама и Антония Великого, Пророка Ильи) на алтарных дверях упоминается либо просто «Разбойник», либо «Рах». Любопытно, что даже столь просвещенный человек XIX века, каким был митрополит Макарий, ссылаясь на эту опись в своем Археологическом описании Новгородских храмов, после редкого слова «Дижман» счел необходимым уточнить, что это «разбойник Рах» ⁹⁵. Уникальные северные алтарные врата рубежа XVI–XVII веков обнаружены в заповеднике «Малые Корелы»: они происходят из разру-

9.
Благодарный разбойник Дизман, со сценами
«Лоно Авраамово», «Надгробное рыдание».
Северные врата иконостаса ц. Архангела Михаила
деревни Ичково Холмогорского района Архангельской
области. Конец XVI–начало XVII вв.
Заповедник «Малые Корель»

шенной церкви Архангела Михаила деревни Ичково Холмогорского района Архангельской области⁹⁶ (илл. 9). Примечательной особенностью изображения разбойника, облаченного в белые порты, является не только редкое его именование, но и уникальный для иконогра-

фии раскрытый в руках свиток с текстом покаянной молитвы. Более того, фигура Дискаса дополнена здесь двумя сценами: верхней с Лоном Авраамовым и нижней с Надгробным рыданием, обычно сопровождающими композицию сотворения Адама и Евы.

Сочетание крупной фигуры разбойника и окружающих его дополнительных сцен известно еще по двум памятникам. Прежде всего это северные врата 1554 года из иконостаса московского Саввина монастыря, вложенные Семеном Андреевым на помин своих родителей и описанной в дореволюционной статье Н. Модестова⁹⁷. Многоликие миниатюрные изображения с пояснительными надписями покрывали верхнее и боковые поля иконы. Пять верхних сцен включали сюжеты сотворения Адама и Евы, их грехопадения, изгнание и плач у врат рая. Шесть сцен размещались на левом поле⁹⁸: «Шествие в рай праотцев и пророков», «Положение во гроб Христа» (с надписью: «Во гробе плотски»), «Исход души из тела праведника», в которой ангел принимает в руки младенца; упоминаемый выше сюжет «Слово о черноризце Мартирии, како Христа носяше» (из Пролога, под 17 января), который встретил на дороге расслабленного, положил его на мантию и взял его к себе на ramo, но тот вдруг сделался невидим, а вместо него инок увидел образ самого Христа, обещавшего ему спасение («ты сотвори еси милость зде со мною, аз же сотворю милость мою с тобою во царствии моем»). Еще один сюжет заимствован из жития мученика Конона Исаурийского (память 5 марта), который заставил бесов работать в поле («имея власть над бесь»). Завершала цикл сцена склонившихся над гробом преподобных («Воззрим братия на гроб сей...»). В пандан им следовали семь сцен правого поля, с изображением шествия благодарного разбойника в рай и диалога с Христом (надпись: «Господь посла разбойника во святой рай дарова ему знамение нести крест свой»), встречи нагого человека с крыльями ветхозаветными царями («Во аде же с душею яко Бог», — сцена продолжает слова тропаря воскресного канона, начатого на левом поле). Затем следовала иллюстрация Слова о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего и «Исход души из тела грешного». Следующие эпизоды продолжали истории мученика Конона, повелевшего бесам отнять младенца некоей жены у волка; и преподобного Иакова Постника (Пролог, под 10 октября), который сначала исцелил некую дочь, потом совратил ее и убил, но покаялся и был прощен. Уникальный

состав этого памятника, к сожалению, не дошедшего до нашего времени, свидетельствует, что изображение Благодарного разбойника могло входить в сложный иконографический замысел северных врат, включавших эпизоды различных литературных сочинений, текстов синодиков, притч и патериков, связанных с идеями покаяния, милосердия и прощения. Еще одна многочастная икона начала XVII века, среднерусская по стилю, находится в частном собрании⁹⁹ (илл. 10). Она разделена на три неравных регистра: нижнее полотно занимает традиционная фигура разбойника с крестом и деревом (!) в руках, помещенного на белом фоне с райской растительностью и заключенного в многолопастную арку. Два верхних узких ряда включают восемь сцен, также обрамленных полуциркульными сводами, в которых развернута подробная история создания и грехопадения Адама и Евы.

Иконографическая программа всех этих многочастных врат подтверждает, что образ Благодарного разбойника был неразрывно связан с покаянно-поминальными службами, поминовением живых и умерших на проскомидии, а также с особой функцией южной апсиды. Достоверным свидетельством ее назначения являются деяния Стоглавого собора 1551 года, называющего южное отделение «кутейником», где должны были проводиться заупокойные службы и исполняться молитвы и каноны за здравие и за упокой. Примечательно, что Собор ссылался на авторитетную практику новгородских и псковских церквей, где «на то устрояют кутейник во всякой церкви, зде же (в Москве. — И.Ш.) убо вся та потребная вносят в жертвенник и во святой олтарь, а правила святых апостол и святых отец о сем запряцают». Авторы соборного ответа, обосновывая эту практику толковой службой («олтаря же малая оба полы, разлучения ради праведных и грешных»), постановляют, что в жертвенник «вносится священная токмо: просвиры и вино, и фимиян и божественная книги... Другая же половина олтаря кутейник зовется, и в него вносится о здравии коливо, и канун и прочее брашно, и на самое Христово Воскресение пасхи, сыр и яйца, и иныя яди...»¹⁰⁰ Этими же причинами обусловлено нечастое появление в иконостасах, судя по переписным церковным и монастырским книгам, боковых дверей, ведущих в южную апсиду. В отличие от северных врат, необходимое наличие которых уже в XVI веке было закреплено уставом¹⁰¹, симметричные им южные врата делались и украшались «по случаю», обычно в больших

10.
Благодарный разбойник Рах,
со сценами создания и грехопадения Адама и Евы.
Северные врата иконостаса. Начало XVII в.
Частное собрание

и богатых храмах. Ссылка Соборных деяний 1551 года на практику псковских храмов в нашем случае особенно показательна, она свидетельствует не только об устойчивой черте местного религиозного сознания, но и объясняет то особое внимание, которое здесь уделялось убранству и сюжетному составу боковых врат иконостаса, в том числе и южных дверей.

II.

Благоразумный разбойник Дизман.
Северные врата иконостаса. Середина XVII в.
Вологодский музей-заповедник

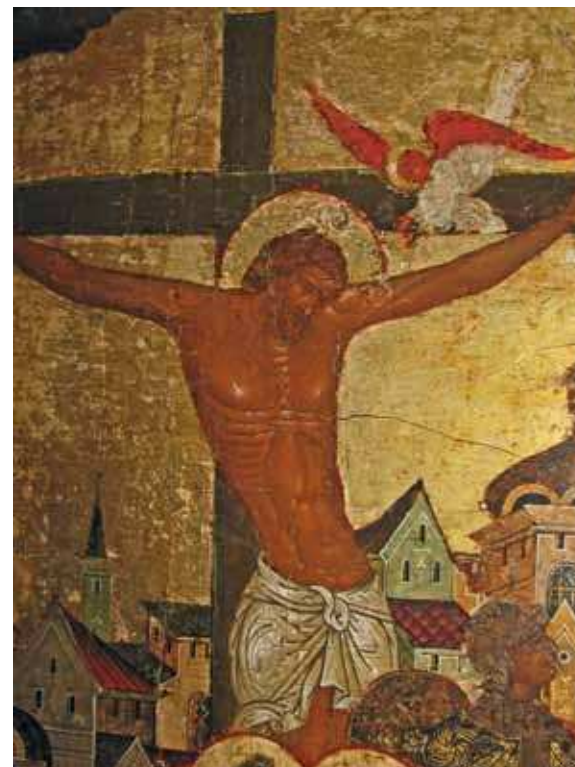
12.

Благоразумный разбойник Дизман.
Северные врата иконостаса ц. Дионисия
и Амфилохия Глушицкого Сосновецкого монастыря.
Вторая половина XVII в.
Вологодский музей-заповедник

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что многие из боковых врат с изображением разбойника могли быть вкладом «на помин своей души и всего своего рода».

Еще две двери середины и второй половины XVII века с образом Дзмаса сохранились в Вологодском музее: происхождение более ранней из них не известно, поскольку она

поступила из Архиерейского дома¹⁰² (илл.11), второй памятник принадлежал Глушицкому Сосновецкому монастырю¹⁰³ (илл.12). Согласно описи 1683 года, северные врата с изображением Благоразумного разбойника, действительно, существовали в старой деревянной церкви Дионисия и Амфилохия Глушицких, но, в отличие от сохранившегося памятника, они были «на золоте»¹⁰⁴. Однако уже по описи 1775 года в большом Глушицком монастыре, «именуемом Сосновце», в новой соборной, по-

13.

Икона «Распятие, с евангельскими сценами». 1570–1580-е гг.
Из единоверческой ц. Св. Николая в Пскове. Новгородский музей

ставленной в 1744–1745 годах каменной двухэтажной церкви, где пребывали мощи основателей обители, северные пономарские двери с образом Благоразумного разбойника «написаны краской»¹⁰⁵. Переписные книги не называют имени разбойника, но дошедший до нас памятник, судя по всему, и является упомянутыми там вратами.

Видимо, и в других землях его образ был более востребован, чем мы теперь думаем. Так в иконостасе церкви Воскресения на Дебре в Костроме на двери жертвенника 1652 года сохранились фрагменты надписи, которые позволяют прочесть имя разбойника как Дзмас¹⁰⁶. Однако нигде он не получил столь широкого распространения, как в Пскове, на что должны были существовать особые причины. Вряд ли здесь бытовали неизвестные нам тексты, ставшие основой этого образа, скорее имело место традиционное для псковичей стремление точно следовать словесному источнику. Еще одним немаловажным основанием могла стать близость западной культуры, степень проникновения которой еще до конца не оценена специалистами. Важным доказательством таких заимствований служит редкая для второй половины XVI века

храмовая икона Распятия с двумя разбойниками и клеймами страстных евангельских событий¹⁰⁷ (илл.13). Памятник происходит из поздней единоверческой церкви Св. Николая во Пскове и утратил сведения о своем первоначальном нахождении, но его художественные особенности не позволяют сомневаться в работе псковского мастера. Среди большого числа подробностей, сопровождающих центральное изображение средника, ряд деталей явно восходит к западной иконографии, в том числе и характер изображения самих разбойников, распятых по сторонам Христа, за душами которых подлетают красноликий (в соответствии с псковской традицией) ангел (к бородавтому Дзмасу слева) и крылатый черный демон (к юному Гестасу справа).

Такие образы часто сопровождают сцены Распятия в средневековой европейской живописи, предпочитавшей лаконичному варианту сюжета распространенную композицию с двумя казненными разбойниками и эпизодом раскаявшегося злодея. Особенно красноречиво отмеченные в псковской иконе детали передаются в немецком искусстве, например, в картине мастера святого Ламбрехта (школы Ганса фон Тубингена) около 1430 года (Га-

14.

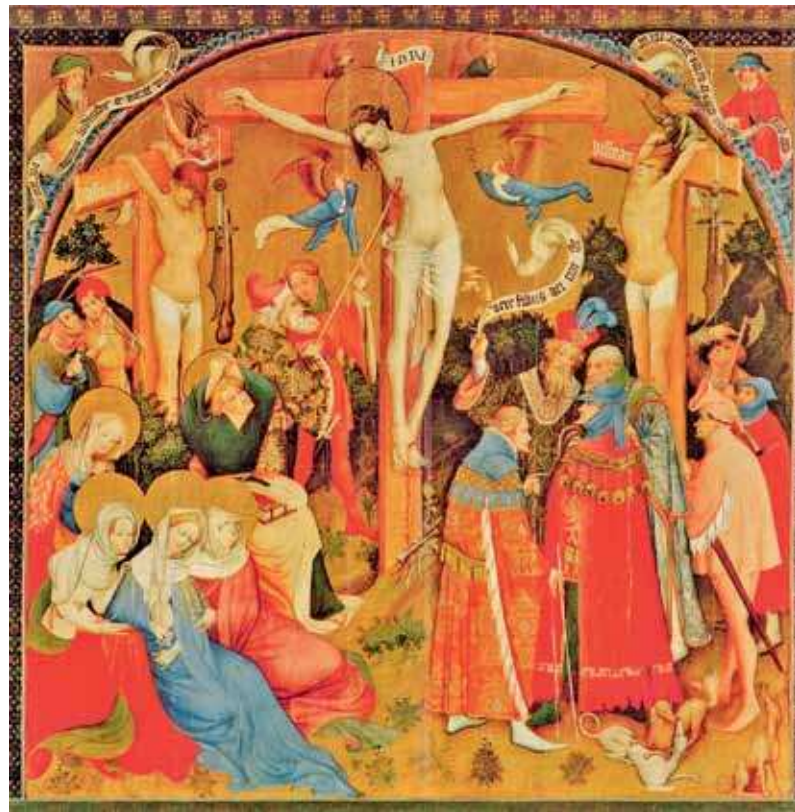
Гестас. Фрагмент картины «Распятие» мастера святого Ламбрехта. Около 1430 г. Галерея австрийской живописи в Бельведере, Вена

лерея австрийской живописи в Бельведере, Вена)¹⁰⁸ (илл.14). В среднике триптиха Вильдунгенского алтаря (1404 или 1414) вестфальского художника Конрада фон Сеста (работал в 1394–1422)¹⁰⁹, представителя интернациональной готики, около привязанных к «Т»-образным крестам разбойников подвешены орудия их разбоя – палицы и сабли (илл.15). Ангел, слетающий к доброму преступнику, изображенному по правую руку Христа (слева от нас), забирает на плате фигурку младенца-души, в то время как крылатый черт справа держит металлический скребок, стараясь заполучить душу злого. Примечательно, что надписи с именами разбойников, выведенные на рукавах креста, перепутаны и здесь: слева Гестас-Джасмус («Jasmus»), справа Дисмас («Dismas»).

Таким образом, распространение в Пскове образа благоразумного разбойника с именем Дисмас вполне возможно связывать с более устойчивой, чем на Руси, традицией почитания святого на Западе (см. об этом выше). Напомним, что в европейских календарях ему не

15.

Конрад фон Сест. Распятие с предстоящими. Триптих Вильдунгенского алтаря (1404 или 1414). Средник. Приходская ц. Вильдунген, Германия

только был посвящен день памяти, но в его честь назывались храмы, прежде всего тюремные капеллы, где могли молиться и псковичи, взятые в плен во время немецко-ливонских набегов. Уцелевшие из них делали обетные вклады в псковские храмы: возможно, именно Дисмас, к которому вынуждены были заключенные обращаться на чужбине, становился для них спасительным образом. Как бы там ни было, покаянные мысли и милосердие, столь свойственные псковской культуре вообще и столь созвучные образу Благоразумного разбойника, стали залогом создания здесь своего собственного, литературно оправданного варианта оформления алтарных врат.

IRINA SHALINA,
the State Hermitage Museum,
Museum of the Russian Icon

The Image of the Good Thief in the Side Gates of the Iconostases in Pskov

With rare exceptions, Pskov side gates of the iconostases of the 16th century have not survived, but their subject structure of the image can be represented by the description in the cadastres (1584–1588) of Pskov Lands. Based on them, in the temples of the Pskov land there existed a kind not known to us from other centers, a tradition that called the Good Thief shown in the side wings of the gate “Dizman” (Dismas), which is quite consistent with the apocryphal literary tradition. However, in other lands, according to the famous monuments, such examples were few, and painters followed the folklore tradition that called crucified next to Christ repentant villain “Rah”. Pendant to image of Dismas on the northern gates served in Pskov mostly south door with the apostle Peter, which emphasized the symbolism of the entrance to paradise. The reason for special attention to the name of the Good Thief became the known Pskov addiction to the book word and illustrative painting, as well as interest in the theme of the Last Judgment, where the image Dizman has been known in Pskov from the 15 century. Influence of Western art and veneration of the Wise Thief Dismas as a saint in Europe played a role in Pskov.

Примечания

- 1 РГАДА. Ф.1209. Кн.827 и 830. Обоснование датировки писцового описания Г.И.Мещанинова-Морозова и И.В.Дровнина см.: *Французова Е.Б.* Описания церквей и монастырей Псковской земли в составе писцовых книг 1580-х гг. // *Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Материалы XII Всероссийской конференции.* Архангельск, 2002. С.337–339.
- 2 Подр. см.: *Шалина И.А.* Боковые врата иконостаса: иконография и символика // *Иконостас: происхождение, развитие, символика.* Сб. статей. М., 2000. С.559–598.
- 3 Там же. С.566–568; *Дьяченко О.А.* Проблемы эволюции иконографических программ боковых алтарных дверей XVI–XVII вв. // *Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века. Сборник статей памяти Виктора Михайловича Сорокотова.* М., 2008. С.295–296.
- 4 Архив СПб ИИ РАН. Кол.115. Д.1178. Л.19. См. также: Псково-Печерский монастырь в 1586 г. // *Старина и новизна.* СПб., 1904. Кн.7. С.270.
- 5 Подр. см.: *Шалина И.А.* Боковые врата иконостаса: иконография и символика // *Иконостас: происхождение, развитие, символика.* Сборник статей. М., 2000. С.573 и далее.
- 6 Блаженного Симеона архиепископа Фессалоникийского. Толкование о божественном храме и божественных тайнодействиях // *Писания святых отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения.* Т.III. СПб., 1887. С.407.
- 7 Сцена занимает все полотнище северных врат второй половины XV в. из церкви Двенадцати апостолов в Новгороде (Новгородская икона XII–XVII вв. Л., 1983. № 225–226. С.331). А.С.Преображенский справедливо пересмотрел датировку памятника в пользу второй половины XV в. – Доклад на Лазаревских чтениях 2015 г.
- 8 Такое изображение было, например, на северных дверях Успенского Старицкого монастыря. – *Описная книга Старицкого Успенского монастыря 1607 г.* // *Тверская старина.* 1911. № 1. С.28.
- 9 Икона исчезла во время Великой Отечественной войны, илл. см.: *Гусев П.* Новгородская церковь святых апостолов Петра и Павла на Софийской стороне (в Кожевниках) // *Труды XV Археологического съезда в Новгороде.* 1911. М., 1916. Т.2. Табл.VI. 9.
- 10 Святой Ефрем Сирий. Творения. М., 1995. Т.5. С.268.
- 11 Об иконографии и источниках: *Пуцко В.* Благоразумный разбойник в апокрифической литературе и древнерусском изобразительном искусстве // *ТОДРЛ.* Т.XXII. М.; Л., 1966. С.413–416.
- 12 *Модестов Н.* Об иконе «Благоразумного разбойника» (К истории древнерусской иконографии) // *Тр. Вятской уч. архив. ком.* 1916. Вып.I–II. С.97. Надпись была написана на полотнище двери, но по совету Н.Д.Мансветова скопирована на медную дощечку, прикрепленную к ее оборотной стороне. См. также: *Талин В.* Об иконе «Бла-

- горазумного разбойника» (из истории древнерусской иконописи) // ЖМП. 1959. № 7. С.60.
- 13 См.: *Покровский Н.В.* Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе. Т.III. Одесса, 1887. С.72–73; *Brenk B.* Tradition und Nueurung. Wien: Böhlau, Akademie der Wissenschaften, 1966. P.119–122; *Brenk B.* Weltgericht // Lexikon der christlichen Ikonographie. V.5. Rom-Freiburg-Basel-Wien, 1972. Sp.513–523; *Tsitouridou A.* The church of the Panagia Chalkeon. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1985. P.49.
  - 14 Опись Соловецкого монастыря 1549 г. Подг. М.В.Кукушкина // Археографический ежегодник. 1971. М., 1972. С.343–344.
  - 15 О церкви см.: *Модестов Н.* Исторические сведения о Саввинской, на Саввинской улице церкви в г. Москве. М., 1905.
  - 16 *Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А.* Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990. С.68.
  - 17 См. например: *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Вып. I. Отд. III. Тамбовские писцовые книги. М., 1883. С.150, 153, 155; Переписные книги вологодских монастырей. XVI–XVII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011. № 2. Л.88 об.; № 3. Л.38, 49 об.; № 4. Л.95, 123, 140 об.; № 5. Л.7, 140 об.; № 6. Л.16 об., 23 об.; № 12. Л.196 об.; № 15. Л.24, 30, 39 об.
  - 18 *Блинов Н.Н.* Благоразумный разбойник // Труды Вятской Ученой архивной комиссии за 1913. Г. В. I–II. Смесь. С.129–132. *Осокин И.* К статье «Об иконе Благоразумного разбойника» // Тр. Вятской уч. архив. ком. 1916. Вып. I–II. С.105.
  - 19 В других Евангелиях факт распятия по сторонам Господа двух разбойников лишь упоминается (Мф. 27:38; Мк. 15:27).
  - 20 Таких ранних проповедей известно немного, прежде всего древнейшая из них Аристиды Философа и ряд слов, написанных Иоанном Златоустом (см. прим.91 и 92): *Аристид Философ.* Слово о благоразумном разбойнике // *Барсов Н.* Из новооткрытых памятников первобытной христианской проповеди // Христианское чтение. СПб., 1887. Ч. I. С.399–405.
  - 21 *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С.164–190.
  - 22 *Гейман В.В. (Вега).* Апокрифические сказания о Христе. I. Книга Никодима, СПб., 1912; *Vaillant A.* L'Evangle de Nicodeme. Texte slave et texte latin. Paris, 1968. Сверенный перевод опубли.: Иисус Христос в документах истории. Сост., статья и комментарии Б.Г.Деревенского // Античное христианство. Источники. Изд.3 испр. и доп. СПб., 2000. С.186–187.
  - 23 Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н.Костомарова. СПб., 1862. Т. III. Ложные и отреченные книги русской старины. С.95–96.
  - 24 «Исправление о двоу разбойникоу» // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н.Костомарова. СПб., 1862. Т. III. Ложные и отреченные книги русской старины. С.81–82.
  - 25 *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. Ч.2. М., 1869. С.79.
  - 26 Эта история существовала в разных вариантах (см. о них: *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С.52–54), в том числе в устных рассказах (*Норов А.* Путешествие по Святой земле в 1835 году. СПб., 1838. Ч. II. С.107).
  - 27 *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. М., 1881. Кн.2. Листы исторические, календары и буквари. №№ 870–871. С.46.
  - 28 Публ. см.: Иисус Христос в документах истории. Сост., статья и комментарии Б.Г.Деревенского // Античное христианство. Источники. Изд. 3 испр. и доп. СПб., 2000. С.273.
  - 29 Там же. С.186. Прим.62.
  - 30 *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С.366. Прим.10, 11.
  - 31 См.: *Милтенова А.* Erotapokriseis: Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София, 2004. Прил.2. С.390–391. Сердечно благодарю А.А.Турилова, обратившего мое внимание на этот источник.
  - 32 *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т.2. С.435 (по рукописи 1665 г.).
  - 33 *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах... С.387 (рукопись XVII в.); Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко... СПб., 1862. Т. III. С.170 (рукопись XVII–XVIII в.: «правому имя Рахъ, а шуюму Дижмасть»).
  - 34 Sinai. Treasures of the Monastery of Saint Catherine. Ed. *K.Manafis.* Athens, Ekdotike Athenon, 1990. Pl.9.
  - 35 См. например: Коптская легенда о нахождении Гроба Господня // Записки восточного отделения Имп. Русского археологического общества. Ч. IV. СПб., 1889. С.17–18.
  - 36 *Balicka-Witakowska E.* Pictorial Tergwame on the Crucifixion: Ethiopian Drawing in the Bodleian Library // Studia Aethiopica. Wiesbaden, 2004. P.431–442. Esp. P.433.
  - 37 *Fusconi C.M.* Buon Ladrone // Bibliotheca Sanctorum. Rome, 1963. Vol.3. Col.596–600.
  - 38 Acta Sanctorum. Mart. Vol.3. Antverpiae, 1668. P.543; Martyrologium Romanum scholiis historicis instructum. Ed. H.Delehaye // Prolaeum ad Acta SS. Dec. Brux., 1940. P.110 sq.; Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano. Ed. H.Delehaye. Brussels, 1902. Col.555.
  - 39 Catalogus sanctorum et gestorum eorum ex diversis voluminibus collectus, editus a reverendissimo in christo patre domino Petro de Natalibus ..., 1519; Lugduni, 1545. Vol. III. P.228.
  - 40 *Bessières A.* Le Bon larron St. Dismas: Sa vie, sa mission, etc. P., 1937; *Lucchesi Palli E.* Dismas // Lexikon der christlichen Ikonographie. V.6. Rom-Freiburg-Basel-Wien, 1974. Sp.68–71; *Зайцев Д. В.* Дисмас // ПЭ. Т. XV. М., 2007. С.401. Там же библиография в основном энциклопедического характера.
  - 41 *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С.213.
  - 42 Gli Apocrifi del Nuovo Testamentou A cura di M.Erbetta. Torino, 1981. Vol.1: Vangeli. Pt.2. P.108–109, 244–245; *Vaillant A.* L'Evangle de Nicodeme. Texte slave et texte latin. Paris, 1968.
  - 43 РНБ. Соф. № 1186. Л.100. XVII в.
  - 44 Хожение игумена Даниила. Подг. текста, перевод и комментарии Г.М.Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. XII век. СПб., 2004. С.32–33.
  - 45 Έκδοση Γεράς Μονής Σταυροβουνίου, Λευκωσία, Κύπρος, 1998.
  - 46 *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии... С.367.
  - 47 Варвар // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С.556–558.
  - 48 Иконописный подлинник собрания ОЛДП: Собр. П.П.Вяземского, № 162.
  - 49 *Korunovski S., Dimitriva E.* Macedonia. Milano, 2006. P.182.
  - 50 *Janin R.* Barbarus (2) // DHGE. T.6. Col.591; ΗΘρηκευτική και Ηθική Εγκυκλοπαίδεια. Т.3. Σ.613; *Ζακωθηνός Δ.* λδβλθουτε Αγιος Βάρβαρος // Εἰς μνήμην Κ.Ἀριάντου, 1874–1960. Ἀθήναι, 1960. Σ.438–453; *Lampidis O.* Une nouvelle version de la Vie de St. Barbaros // Πλάτων. 1966. Т.18. Σ.40–55; *Иванова К.* Житието на Варвар Мироточец Пелагонийски (Битолски) // Palaeobulgarica. 2000. № 4. С.40–60.
  - 51 Иконы Ростова Великого. М., 2006. Кат. № 65. С.232–233.
  - 52 Сердечно благодарю А.А.Турилова за консультацию по этому вопросу.
  - 53 *Gerstenlauer R.* Die Rach-Ikone. Entdeckung der wahren Identität. Tübingen, 2008.
  - 54 Иконы Пскова. Т.1. М., 2012. Кат. № 119–121.
  - 55 *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии... С.365; *Кузичева Ю.С.* «Благоразумный разбойник» в программе боковых дверей иконостасов: иконография и символика // Труды Государственного музея истории религии. Вып.9. СПб., 2009. С.84.
  - 56 Иконы Ростова Великого. М., 2006. Кат. № 65. С.232–233.
  - 57 Приношу глубокую благодарность Е.Б.Францужовой, сделавшей выборку сведений из переписных книг 1580-х гг. и предоставившей свой материал для работы.
  - 58 Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. Изд. подгот. Е.Б.Французова. М., 2002. С.188.
  - 59 Города России... С.170.
  - 60 Города России... С.169.
  - 61 Города России ... С.175.
  - 62 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.1255.
  - 63 РГАДА. Ф.1209. Кн.827. Л.954.
  - 64 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.376.
  - 65 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.403 об.
  - 66 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.441 об.
  - 67 РГАДА. Ф. 1209. Кн.830. Л.1115.
  - 68 Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. М., 2002. С.177.
  - 69 РГАДА. Ф.1209. Кн.827. Л.1298.
  - 70 РГАДА. Ф.1209. Кн.827. Л.954 об.
  - 71 ОР РНБ, Собр. М.П.Погодина. № 1912. Л.166 об.
  - 72 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.453.
  - 73 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.1140.
  - 74 Подробнее об этих сюжетах см.: *Шалина И.А.* Врата с «притчами» как символический вход в Дом Премудрости // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С.269–75. РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.430 об–431. О сменивших их в Крыпецком монастыре в 1705 г. новых вратах с теми же сюжетами см.: *Шалина И.А.* Псковские монастырские иконостасы XVI века: состав и иконографические особенности // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века. Сборник статей памяти Виктора Михайловича Сорокатого. М., 2008. С.275–278. Илл. этих врат опубли.: *Успенские М.В. и А.И.* Очерк церковных древностей г. Риги // Труды X Археологического съезда в Риге, 1896. М., 1900. Т. III. С.190–192; С.139 и Протоколы. С.90.
  - 76 Города России... С.187.
  - 77 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.440 об.
  - 78 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.1250.
  - 79 РГАДА. Ф.1209. Кн.827. Л.1295.
  - 80 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.375.
  - 81 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.1134.
  - 82 РГАДА. Ф.1209. Кн.827. Л.541 об.
  - 83 Города России... С.191.
  - 84 РГАДА. Ф.1209. Кн.827. Л.755.
  - 85 Города России... С.173.
  - 86 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.1149 об.
  - 87 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.1260.
  - 88 РГАДА. Ф.1209. Кн.830. Л.1260.
  - 89 *Шалина И.А.* Древнейшая псковская икона с изображением Страшного суда // «В созвездии Льва». Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М., 2014. С.538–579.
  - 90 *Сарабьянов В.Д.* Фрески древнего Пскова. Псков, 1993. С.23.
  - 91 *Иоанн Златоуст.* Беседы о кресте и разбойнике. Беседа 1. О Кресте, и разбойнике и о втором пришествии Христа, и о непрестанной молитве за врагов // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, в русском переводе. СПб., 1896. Т.2. Кн.1. С.438–439.
  - 92 *Иоанн Златоуст.* Беседы о кресте и разбойнике. Беседа 2. О Кресте и об исповедании разбойника, и о том, что нам должно молиться за врагов // Там же. С.448.
  - 93 Много внимания этому вопросу было уделено в работах В.Д.Сарабьянова: *Сарабьянов В.Д.* «Страшный Суд» в росписях Снеготорского монастыря в Пскове и его литературная основа // Проблемы на изкуството 2/1996. София. С.23–30; *Он же.* «Страшный Суд» собора Снеготорского монастыря и его место в русской иконографической традиции // Искусство Византии и древ-

- ней Руси. К 100-летию со дня рождения Андрея Николаевича Грабара. Тезисы докладов конференции. СПб., 1996. С.27–28; *Сарабянов В.Д.* Иконографическая программа росписей собора Снегогорского монастыря (по материалам последних раскрытий) // ДРИ: Византия и древняя Русь. К 100-летию со дня рождения Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб., 1999. С.235–247.
- ⁹⁴ *Макарий [Миролюбов], архим.* Опись новгородского Спасо-Хутынского монастыря 1642 г. // Зап. Имп. Археологического общества. СПб., 1857. Т.9. С.434.
- ⁹⁵ *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т.II. С.46.
- ⁹⁶ Музей-заповедник «Малые Корель». Инв. № АМДЗ КП-9292. Дерево, темпера, серебрение; 146 x 63 x 6,5. Передана в музей в 1984 г. частным лицом. Реставрирована в 2001–2009 гг. *И.В.Светоносовой.*
- ⁹⁷ *Модестов Н.* Об иконе «Благодаразумного разбойника» (К истории древнерусской иконографии) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. I–II. С.96–104.
- ⁹⁸ Эти сюжеты Н.Модестов перечисляет на левом поле, но, судя по их последовательности, они должны были быть на правом. Мы восстанавливаем верное прочтение.
- ⁹⁹ Размер: 169,5 x 63 см. Опубл.: Иконы из частных собраний. Русская иконопись XIV – начала XX века. Каталог выставки ЦМиАР. М., 2004. С.172, 235.
- ¹⁰⁰ Стоглав. М., 1913. Л.43 об.–44.
- ¹⁰¹ Типикон си есть Устав. М., 1906. Глава 22, 30, 35. *Никольский К.* Пособие к изучению Устава Божеслужения. СПб., 1907. С.20–21.
- ¹⁰² ВОКМ 7864. Размеры: 167 x 61. Поступила из кладовой Вологодского архиерейского дома. См.: Древнерусская живопись. Новые открытия. Каталог выставки. Вологда, 1970. Кат. № 51. С.21; Ikonen. Uit Noord-Rusland. Uit Nederlands-bezit. Zwolle, 1992. Кат. № Z-30. Pl. on the P.143, 165.
- ¹⁰³ ВОКМ 6102. Размеры: 192 x 80,2. Поступила из Глушицкого Сосновецкого монастыря в 1924 г. Не публиковалась. Благодаря Е.А.Виноградову, любезно предоставившую сведения по этим двум вологодским памятникам.
- ¹⁰⁴ Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная сыном боярским вологодского архиепископа Симона А.Ждановым на игумена Иосифа. – ОР РНБ. Ф.550 (ОСРК). QIV. № 392. № 5. Л.7, 16 об. – Опубл.: Переписные книги вологодских монастырей. XVI–XVII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011. № 5. С.202–212.
- ¹⁰⁵ Опись имущества «старого» Покровского и Иоанно-Предтеченского Сосновецкого монастырей. 1775 г. сентября 23. – ОР РНБ. Ф.550 (ОСРК). F.IV. № 744. Л.23 об. – Опубл.: Переписные книги вологодских монастырей. XVI–XVII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011. № 6. С.213–230.
- ¹⁰⁶ *Покровский Н.В.* Памятники церковной старины в Костроме // Вестник археологии и истории. Вып.19. СПб., 1909. Табл.25; Костромская икона. М., 2004. Кат. № 78. С.509.
- ¹⁰⁷ НГОМЗ. КП 7720, ДРЖ 890. Размеры: 186 x 153 см. Пост. в порядке реституции из Германии после войны.
- ¹⁰⁸ Meister der St. Lambrecht Votivtafel. Kreuzigung Christi. Wien, um 1430. Malerei auf Nadelholz, 75,6 × 52,2 cm. Belvedere (Wien). Inv. Nr. 4902. См.: Oettinger K. Hans von Tübingen und seine Schule, 1938; Gotik in der Steiermark, Aust. Kat. Stift St. Lambrecht, 1978; Theisen M.: Die Tafeln mit Szenen aus der Kindheit und Passion Christi des Historischen Museums der Stadt Wien. Probleme der Nachfolge des Meisters der St. Lambrecht Votivtafel. Diplomarbeit, Wien, 1991. Илл. см.: <http://digital.belvedere.at/emuseum/media/view/Objects/3657/2494?t:state:flow=bc5d1597-4fea-41d4-90a5-3132a11b0e7f>
- ¹⁰⁹ 158 x 267. Бад-Вильдунген, приходская церковь. Илл. см.: *Эрши А.* Живопись интернациональной готики. Будапешт, 1984. № 33; *Konrad von Soest. Der Wildungen. Siebenberg-Verlag, 1979.*